

18+

Николай Бредихин

Перья

Юмористический роман

Николай Бредихин

Перья. Юмористический роман

«Издательские решения»

Бредихин Н.

Перья. Юмористический роман / Н. Бредихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838061-7

«Роман «Перья» — юмористическая семейная драма с тремя основными персонажами — отец, мать и сын. Однажды отцом завладевает идея написать сценарий реалити-шоу, герои которого — нераскрывшиеся творческие личности: потенциальные поэты, журналисты, писатели, и попытаться продать его на телевидение. Ну а дальше следует целый каскад приключений двух незадачливых авторов, явно взявшихся не за своё дело. Однако упрямства им не занимать...

ISBN 978-5-44-838061-7

© Бредихин Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. «Это есть наш последний и решительный шанс...»	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Перья Юмористический роман

Николай Бредихин

*У кого две пары штанов —
продай одну и купи эту книгу!
Георг Кристоф Лихтенберг*

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2021

ISBN 978-5-4483-8061-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. «Это есть наш последний и решительный шанс...»

Глава 1

Отец и сын, одна маленькая деталь.

«Учитесь торговать!»

ОЦУ (Очень Ценные Указания).

«Марсельеза» на французском.

– У меня всё готово. Надо пошевелиться, иначе нас могут обскакать. Одна маленькая деталь... хотелось бы уточнить. Есть время поговорить?

Фильмы катастроф не принято начинать с самой катастрофы: куда коварнее и изощрённее бывает сначала показать предшествующий ей идиллический, безмятежный период. Ну а потом уже окунуть зрителя по полной программе. В то, во что вы собираетесь его окунуть. Вот только со мной такого не получилось бы при всём желании: сколько я себя помню, подобного периода в моей жизни просто не было. Дни, недели, даже месяцы затишья, но чтобы идиллия! Ха-ха! Только не с моим Па!

Впрочем, я не подал виду, что трепещу, прикинулся покорной, блеющей овечкой.

– Конечно, па! Разумеется, па!

– Вопрос в том, чьё имя должно стоять на титульном листе первым. Я думаю, что твоё. Это было бы по справедливости.

– Почему же? Почему ты так считаешь, па? – потупил я взор, образец скромности и послушания, насторожив в то же время ушки.

– Ну, ты моложе, – великодушно рассудил отец, – тебе дольше пожинать плоды. И потом, ты придумал название. А, говорят, что удачное название – это шестьдесят процентов успеха.

– Я слышал – сорок.

– Нет, шестьдесят. Я точно знаю. У меня прекрасная память, как тебе известно.

– Ладно, пусть будет шестьдесят, – не менее великодушно согласился я, – но название, на мой взгляд, не главное. Название могут и переменить. Что тогда? Нет уж, если по справедливости, то надо признать, что главнее всего идея, а она целиком и полностью здесь твоя, да и в разработку её ты гораздо больше меня труда вложил. Я уж не говорю об алфавите, ты и здесь в приоритете. Так что вопрос этот не стоит выеденного яйца. Где-то, в чём-то я всегда готов тебе уступить, но тут ни о каких других вариантах не может быть и речи.

Отец развёл руками, как бы говоря: ну и упрямый же ты, хотя, по всему было видно, что он доволен таким исходом дела.

Я понимал, что впрямую его не отговорить, и попытался зацепить хотя бы с краешку.

– Но ты уверен, что всё готово? Когда ты собираешься туда идти?

– В пятницу, конец недели. Но я пойду не один. Два автора – им и идти вместе.

– Я не смогу, это точно, – предпринял я последнюю попытку увернуться. – Не отпустят с работы. Там полный завал. В отпуска люди пошли, с больничных не вылезают.

Отец небрежно отмахнулся: тоже мне, нашлось препятствие!

– Ничего, отпустят. Я позвоню.

Он позвонит. С ума можно сойти! Я что, ещё в школе учусь? Конечно, я врал: отпроситься мне не составило бы большого труда, не так уж часто я пользуюсь поблажками, если быть точным – вообще ни разу, но что – у меня других дел нет?

– Не стоит, уж лучше я сам.

– Вот и договорились. Папка со сценарием на столе в Кабинете, если будут какие-нибудь предложения по существу, ещё не поздно переделать. Последний, так сказать завершающий взгляд.

Я ухмыльнулся: уж я постараюсь, это будет не просто взгляд, а терминальный, можно сказать – киллер-взгляд. Я вообще от всего этого идиотского «проекта» камня на камне не оставлю.

Не знаю, с какой стати мне так в жизни повезло и мне досталась катастрофа из катастроф вместо отца. До какого-то возраста я просто смеялся, потом стал посмеиваться, сейчас иногда мне хочется плакать горячими слезами. Причём человек мой Па был, безусловно, неплохой. Но порой мне казалось – уж лучше бы он был, ну... хоть с какой-нибудь червоточинкой.

Было время, когда я поддался соблазну считать отца неудачником. В этом сразу нашлись свои преимущества: я даже мог ему сочувствовать, как-то оправдывать, ну а главное – просто понимать. К сожалению, этот период длился недолго – я даже не успел как следует им наслаждаться.

Потому что скорее всего неудачником был я сам. Вообще, иногда я кажусь себе страшным занудой, и очень боюсь, что останусь таковым на всю жизнь. Буду постоянно брюзжать на жену, детей, если они у меня когда-нибудь появятся. Ворчун, скептик – это в моём-то возрасте! В противовес отцу – другая крайность. Вполне, впрочем, достаточная, чтобы навсегда отравить жизнь близких мне людей.

Но как могло быть иначе? Надо было каким-то образом возвращать этих двух мечтателей на грешную землю, с которой они постоянно улетали. Если бы не я... С ужасом представляю, что могло произойти, если бы не та личина (поверьте, совершенно мне чуждая), которую я вынужден был постоянно нацеплять на себя.

Я не в состоянии даже перечислить все те проекты, которыми переболел мой отец. Когда я был совсем несмышлёнышем, я искренне восхищался ими, посматривал на своих одноклассников свысока, ни секунды не сомневаясь в том, что скоро, очень скоро, мы сделаемся богатыми, знаменитыми и счастливыми; пусть не самыми богатыми и не самыми знаменитыми, но нам и половины хватит. Затем пришёл к выводу, что мой отец – непризнанный гений, точнее не гений, но как личность и как работник он явно недооценён. Пока наконец не нашёл очень удачное определение, которого придерживаюсь до сих пор, охарактеризовав его как «человека увлекающегося».

Первая идея, которую я помню, – «Учитесь торговать!». Вся страна тогда вышла на улицы, трясая в своих корбушках чем только можно. Мы трое (я, совсем маленький клоп, был на подхвате) тоже включились в процесс. Кончилось тем, что нас прижали рэкетеры, – так мы остались и без товара, и без денег, но накрепко усвоив, что хозяевами жизни нам не стать. Дальше отец сообразил, что стране нужны экономисты. Два года он грыз науку, чтобы получить второе высшее образование, а когда вожделенный диплом оказался у него в кармане, выяснилось, что стране уже не требуется столько экономистов. В один прекрасный день мы решили разбогатеть на раскаде: взяли в аренду дачный участок, построили там теплицу, несколько месяцев не выпускали из рук лопаты. Естественно, нас самым подлым образом обокрали, да и теплицу развалили. Потом были компаньонами какого-то проходимца, предложившего нам открыть цех по производству картошки «хруп-хруп», да и смывшегося с деньгами, которые мы взяли как ссуду в банке; так что, из «хруп-хруп» получился «хруп-труп». Участвовали во всех «панаммах» с акциями и облигациями. Чуть было не уехали на постоянное местожительство в Новую Зеландию: там, оказывается, трудоголики просто позарез нужны! Нам осталось только продать домашний скарб и квартиру, отдав деньги фирме, которая помогала нам отправиться за рубеж, а они там, в Новой Зеландии, должны были нам эти деньги передать уже в валюте.

Тут, слава богу, Ма не выдержала, взмолилась, иначе количество московских бомжей точно увеличилось бы на три человека.

Но апофеоз был, когда в стране разразился кризис, а отец в это время, вместо того, чтобы держать нас на плаву, решил разработать проект по спасению державы (как могло быть иначе – он же дипломированный специалист!) Затем, когда «проект» был отослан, мы всей семьёй ждали, что вот сейчас нам позвонят прямо из Кремля (быть может, сам президент или хотя бы его секретарь), что остановится возле нашего подъезда чёрный лимузин и нас в этот самый Кремль всех вместе отвезут. Но нам даже никто не ответил. Ну, с голоду мы, конечно, не умирали, потому что в перерывах между своими завихрениями отец устраивался в какую-нибудь солидную фирму. Как правило, на работе его ценили, мы постепенно обрастали жирком, а затем снова спускали всё до последнего.

Ясен пень, в школу я ходил в дешёвом китайском барахле и неизменно дырявых ботинках или кроссовках. С досадой вспоминаю свой выпускной, когда я один из всего класса щеголял в свитере и рубашке, так как деньги, на которые можно было купить костюм, мы решили использовать на модернизацию нашего компьютера (!). Я согласился, чего уж там, мне ведь надо было в институт поступать.

Кстати, вы, наверное, догадались, что в институт я так и не попал. Целый год готовился, подобрал себе вариант попроще, но отец уговорил меня поставить на мечту. МГУ! Только МГУ! Какие ещё могли быть сомнения?! В результате я и загремел в армию. Ну а после армии – очередные идеи, очередные долги, нужно было хоть как-то семью поддерживать, стоит ли продолжать?

Итак, я торжественно прошествовал в Кабинет. История этого дворца, да что дворца – храма, тоже в своём роде была уникальна. Разработка «проектов» требует сосредоточенности, и в один прекрасный день я предложил отцу перегородить большую комнату в нашей квартире надвое. Мы сколотили стеллажи из досок, заставили их книгами, перетащили в образовавшуюся каморку письменный стол, кушетку – получилось довольно уютно. Здесь как раз отец и священнодействовал, вынашивая свои замыслы. Мы долго думали, как назвать это логово – Янтарная комната, Башня из слоновой кости, Замок мудрости, но остановились в конце концов на самом простом варианте – Кабинет. Только будучи допущен к самому наисвежайшему замыслу, я по достоинству оценил все прелести узкой, но вполне удобной кушетки и частенько подрёмывал там, в то время как мать и отец на цыпочках ходили по квартире, чтобы не спугнуть якобы вот-вот готовое осенить меня не вдохновение даже, а (бери выше!) откровение.

Но на этот раз я подавил в себе желание хотя бы на полчаса провалиться в дрему, чтобы переварить приготовленный Ма плотный обед. Сел за стол и уставился осоловелым взглядом в папку. С чего всё началось? С довольно безобидной моей фразы в адрес телевизионщиков:

– Такой примитив! Неужто нельзя придумать что-нибудь поинтереснее? Называется реалити-шоу, столько денег вбухивается, а тоска смертная!

Отец согласился со мной:

– Да, кошмар какой-то!

Ну откуда мне было знать тогда, что этот маленький камешек может вызвать такую лавину? Обыкновенная затёртая фраза. Ни к чему не обязывающее общее рассуждение. Пустое место. Ну как барабан. Но с моим отцом надо быть предельно осторожным, выбирать выражения.

Я был в шоке, когда Па дня через три подмигнул мне:

– Знаешь, ты был прав с этими телешоу!

Что так поздно до него дошло?

– А не попробовать ли нам самим включиться в процесс? Полагаю, немного встряхнуть этот затхлый мирок на предмет новых идей никому не помешает!

Слово за слово, идея начала обрастать подробностями. С моей стороны, это выглядело достаточно примитивно: я лишь вставлял ехидные замечания, пытаюсь разбить в пух и прах всё, что отец придумывал. Хотя до сих пор я часто говорил о «проектах» в применении к «увлечениям» своего отца, раньше они скорее были всего лишь прожеками, а вот что-то стоящее впервые появилось именно с моей подачи, как и начало нашей совместной работы. Помнится, первым делом я сказал Па о том, что сами идеи мало чего стоят – пора мыслить масштабно, «проектами», в которых всё было бы тщательно обсчитано и обосновано: сроки, финансовое обеспечение, перспектива, реклама, сбыт готовой продукции. Отец каждый раз выслушивал мою очередную ахинею с вниманием и уважением, а затем торжественно удалялся в Кабинет, чтобы записать мои ОЦУ (Очень Ценные Указания) и как следует поразмышлять над ними.

«Перья», естественно, кошмар, а не название; я предложил его как крайнюю степень издёвки, но оно прилипло – не оторвать. «Воображалы», «Полёт фантазии», «Тринадцатая муза», «Пегас для вас» – каких только вариантов не было, но все они блекли перед этим незамысловатым словечком. Особенно когда я набросал дизайн – три заострённых пера, продолжавших буквы вниз в начале, середине и конце слова. Затем мы долго пытались вживить какой-нибудь эпитет в получившийся трезубец: «Быстрые перья», «Золотые перья», «Удачливые перья», но все они сидели как на корове седло. Просто «Перья» и всё – в конце концов отец вынужден был с этим смириться.

Я слишком поздно понял тогда, что выбрал неверную тактику: проволочки, изматывания, подтрунивание. Попытки на максимально возможный срок оттянуть начало катастрофы привели, как ни странно, к совершенно обратному результату: то, что казалось едва различимой точкой на горизонте, разрослось в итоге до размеров цунами. Самого страшного стихийного бедствия из тех, что нам доводилось переживать.

Как бы то ни было, я оторвался наконец от названия и дальше начал вгрызаться бульдозером в текст, но все мои попытки оказались тщетными: придраться было совершенно не к чему, мой запас скепсиса полностью иссяк. Что мне оставалось? Только выйти из Храма вдохновения и торжественно объявить буквально взмокнушему от волнения отцу: «продукт» готов и, что называется, ни слова в нём уже ни добавить, ни убавить.

Трудно передать, как отец был счастлив, но он недолго купался в эмоциях, тут же переводя разговор во вполне конкретную плоскость:

– Так значит, в пятницу? А, сынок?

Не просто обрадованный, а буквально окрылённый, он тут же предложил мне спеть «Марсельезу» на французском языке, достав откуда-то пожелтевший от времени вырезанный из газеты текст. Я, конечно, предпочёл бы «Интернационал» на русском, но тем не менее не стал возражать, присоединился к отцу. Ма, соответственно, тоже внесла свою лепту – накормила нас таким ужином, что мы даже телевизор смотреть не стали, завалились спать пораньше.

Впрочем, я успел всё-таки выбрать минутку и объяснить матери в самых мрачных тонах, что нас в ближайшее время ожидает. Она переменилась в лице, долго молчала, затем вздохнула:

– Надо бы продуктами запастись. Поможешь, а?

И это всё, что я от неё услышал. Моя последняя надежда испарилась, «словно лёд под мартовским лучом солнца».

«Господи, ну и дурдом!», – подумал я, уже засыпая.

Глава 2

Не та передача.

«Путаясь в соплях».

Немецкий город Бремен.

Голубой воршика.

Я не знаю, о чем думают в ЧОПах (частных охранных предприятиях), набирая таких придурков. Росточка в этом кретине было в лучшем случае метр шестьдесят пять. Маленький, щупленький, на него дунь – и улетит на другой конец земного шара. Такому не телевидение охранять, а в огороде пугалом стоять. Но рост его в данном случае не имел никакого значения. «Щуплик-зяблик» особо даже и не заинтересовался нашими личностями, просто процедил сквозь зубы:

– Оставляйте папку, через месяц придёте за ответом.

Я хотел было поговорить с этим салагой возрастом гораздо моложе меня (как видно, только что демобилизовался из армии), но отец оттащил меня в сторону.

– Брось! Чего ты ершишься, всё равно этим мы ничего не добьёмся.

– Пусть старшего вызовет, с начальством поговорим, – не унимался я. – Чего ты так рано сдался? Надеюсь, ты понимаешь, что папку нам оставлять нельзя, нашу идею тут же слямзят?

Отец кивнул: в таком исходе он и сам не сомневался, но показал мне глазами на толпу, собравшуюся в другом углу вестибюля. Мне дальше ничего не надо было объяснять: набирают массовку для какого-то шоу. Ну да нам как-нибудь внутрь проникнуть, а там – рыбке только хвостиком вильнуть. Пусть даже и не вдвоём, какая разница? Мне даже в какой-то момент стало интересно: кому из нас двоих повезёт? Я протянул руку отцу.

– На что спорим? – тут же, без слов, понял он меня.

– Как обычно, плитка горького шоколада, – пожал плечами я.

Именно плитка, а не «энергетический батончик», именно «горького», а не какой-нибудь размазни, но дело не только в этом: уговор обязательно должен быть. Я так один раз уже отца провёл: в итоге договаривающиеся стороны пришли к обоюдному соглашению, что, коли «приз» в споре не был обговорён, результаты его считаются недействительными. Так мы иногда с отцом подшучивали друг над другом.

Особого ажиотажа в очереди заметно не было, люди ждали спокойно, терпеливо. Потом я узнал, что денег нам никаких за такой «труд» положено не было, хотя в кино за массовку платят. Так что те, кто очень хотел попасть на экран, чаще всего своего в итоге добивались: передач было множество, на какую-нибудь всегда можно было прорваться. Наконец минут через десять вышла ассистентка. Выбрала несколько человек намётанным взглядом, причём нас с отцом одними из первых. Забрала у «счастливчиков» паспорта, куда-то унесла их (как я, опять же потом, узнал, проверила на компьютере, не примелькались ли наши физиономии в каких-либо других передачах или, не дай бог, криминальной хронике). Затем некоторым паспорта вернула, а наши передала на проходную, чтобы выписать пропуска.

Хорошо, что я догадался спрятать папку на спине под рубашкой: охранник тут же впился в нас с отцом подозрительным взглядом, но промолчал. Однако внутри нас ждал сюрприз. На помощь ассистентке прибежали ещё две молодые кобылки, так что – «шаг вправо, шаг влево» – осуществить наше намерение у нас не было ни единого шанса. Уже перед входом непосредственно в студию отец тихо спросил меня: «А нам это надо?», на что я тут же отрицательно покачал головой: перспектива второй раз отпрашиваться с работы меня совершенно не привлекала.

– Не та передача, не та передача, – затараторил тут же отец. – Мы попали не на ту передачу.

Ассистентка посмотрела на нас с лютой ненавистью, но всё-таки сдержалась, не стала высказывать, что она думает о нас и о какой-то загадочной «не той» передаче, лишь холодно поинтересовалась:

– А что, это так важно?

Мы тут же дружно закивали: да, да, конечно, как она не понимает? Важнее некуда.

Кто спорит? Девушка лишь пожала плечами и повела нас обратно к выходу. Так что и здесь наши расчеты не оправдались: хоть на террористов-смертников мы никак не смахивали, какой-то порядок здесь всё-таки был.

Замена нам нашлась моментально, однако теперь уже охранник окинул нас таким разъярённым взглядом, что отец тут же потащил меня к входной двери как нашкодившего котёнка, причитая:

– Ну, я тебе говорил, что это не здесь, говорил? – Однако на улице он приуныл. – Что будем делать? Может, по почте наш опус перешлём?

– Ну да, и как мы потом доказывать будем, что конкретно мы с тобой посылали? – мрачно поинтересовался я. – Нужно сначала зарегистрировать нашу идею. Есть же какое-нибудь бюро патентов? В интернете можно узнать.

– Да узнавал я уже, – нехотя ответил отец. – Во-первых, сама регистрация стоит недёшево, а во-вторых, у нас ведь Россия, идеи авторскими правами не защищаются, а начинку потом можно так переделать, что родная мама (то есть в данном случае родные папы – мы с тобой) не узнает. Ну что, первая атака отбита, отчаливаем? Дома обмозгуем, перестроим ряды – может что-нибудь стоящее в голову и придёт?

Я кивнул, хотя перспектива уползти обратно с побитым видом меня совершенно не привлекала.

– Ладно, – сказал я, закипая от злости. – Интернет так интернет.

Я позвонил по смартфону на работу своему другу Витьке Козлову, разъяснил, что нам нужно, и уже через двадцать минут все необходимые номера телефонов были у нас на руках...

– Говорить сам будешь, – сказал я внимательно вслушивавшемуся в наши переговоры, но ничего не понимавшему в них отцу. – У тебя голос солиднее, да и манеры обходительнее.

Нигде наше предложение не вызвало особого энтузиазма (точнее, вообще никакого), лишь под конец зацепило.

– Ну, па, выложишься на полную катушку, – умоляюще прошипел я отцу на ухо. – «Это есть наш последний и решительный шанс».

Отец ничего не ответил, лишь со злостью показал мне кулак, чтобы я не отвлекал его.

Всё остальное я пересказываю исключительно с его слов, думаю, что я вряд ли упустил хоть какую-нибудь детальку, поскольку не один раз допрашивал его о том разговоре с пристрастием, буквально как на детекторе лжи.

– Вы хоть знаете, сколько я подобных предложений в день получаю?

Голос на другом конце трубки был не чванный – с вальяжной ленцой, но в чём-то даже дружелюбный. Человек этот, несомненно, обладал недюжинным чувством юмора, что его и подводило, завлекая в своеобразную западню. Впрочем, может, и наоборот: подобным образом он завлекал в ловушку других.

– Могу себе представить, но у нас «нечто особенного», как говорят в Одессе.

– Вы из Одессы?

Тоже шутка.

– Нет, мы коренные москвичи.

– Откуда же у вас «нечто особенного»? Насколько мне известно, у нас, русских, своего юмора нет. Только три варианта, на выбор: либо еврейский, либо украинский, либо помесь того и другого – это как раз и есть Одесса.

– Вам лучше знать. Но у нас не юмористическая передача. Просто развлекательная.

Голос на другом конце провода помолчал, но, видимо, мы оказались на высоте.

– Ладно, ну и в чём же она, ваша идея? Развлеките меня!

– Нет, – отец, довольный, хохотнул. – Вот так, по телефону? Мы не совсем дураки. Точнее, совсем не дураки. Потом, у нас ведь не просто идея – у нас проект, до мельчайших деталей разработанный. И вы первый, кому мы его предлагаем. Ну, решайтесь, «повезите новичкам» так в Одессе, может, и не говорят, но это неважно. Что вам стоит? Развлечётесь немного, отдохнёте от своих дум и дел. А уж как нам будет хорошо!

Тут я толкнул отца в бок: господи, лишь бы ему не пришло в голову упомянуть об охраннике или о первом блине комом – «попытке незаконного проникновения» на территорию студии. Вроде как мы самые что ни на есть валенки, ничего в таких делах не смыслим – не ведаем. Но отец и сам догадался, о чём можно говорить, а о чём лучше умолчать.

– Ладно, позвоните как-нибудь, – сановно согласился наконец голос. – Договоримся о встрече.

– Да мы тут совсем рядом, у метро. Может, сейчас и примете? – Отец вложил в эту просьбу всю душу.

После некоторого колебания «вельможа» всё-таки сдался.

– Хорошо, диктуйте свои данные, я позвоню на проходную. Только учтите, времени у меня в обрез. Знаете хоть, где мы находимся?

Конечно, нет. Мой тычок не пропал даром. Отец сосредоточенно кивал, записывал и даже уточнял детали.

Я пропущу, пожалуй, описание «морды лица» (не помню, кто сказал, сам был бы не прочь узнать имя автора!), охранника, в третий раз удостоившегося чести лицезреть наши ну наиняглейшие физиономии. Хочу предоставить волю вашему воображению. Вот ассистентка – та просто рот разинула, да так и замерла секунд на пять, совершенно убитая хилой папочкой у отца под мышкой, пропусками в наших руках и исходившим от наших умильных физиономий каким-то неземным благолепием, как у двух на редкость прохиндейских попикиков.

У двери отец немного помедлил, затем глубоко вдохнул и задержал дыхание, как обычно делают перед тем, как «остопориться», в итоге пропустил меня вперёд, сунув мне под нос злополучную папку.

– Ладно, поехали, ты Ильф, я Петров.

– Это в том смысле, что «путаясь в соплях, вошёл мальчик?» – успел пробормотать я и, не дожидаясь ответа на свой стук, мужественно открыл дверь.

Человек, сидевший в кресле за письменным столом, таким и представлялся мне: с полной, румяной, масляной рожей, в очках, ну и как же такому мужичку быть без пивного животики?

– Здравствуйте, – бодро представился отец. – Это мы, которые не из Одессы. Как сказал один умный человек, Бог прислал нас к вам, чтобы вы дали нам работу.

– «Ну, я не Христос», – отпарировал «чинуша», давая нам понять, что в его лице мы, знавшие пятитомник Ильфа и Петрова чуть ли не наизусть, нашли достойного противника. – Ладно, присаживайтесь. Представляться не буду: фамилия, имя, отчество мои и так вам известны. Не стану даже спрашивать откуда. Интернет вездесущ, я уже не говорю о всякого рода пиратских базах данных. В вашем распоряжении десять минут, так что не тяните когти за хвост, давайте сразу перейдём к тому, что вы называете «нечто», а я пока подразумеваю – «ничто».

Я лишний раз смог убедиться, насколько тщательно подготовился к нашему походу отец: он не поленился снабдить сценарий краткой сопроводительной запиской – синопсисом («Всего лишь две с половиной странички, высший пилотаж!»), и сейчас я буквально впился глазами в лицо Владлена Игоревича (а именно так его звали), нашего визави, тщетно пытаюсь прочесть на нём реакцию на наш опус. Но мужик был кремень, ничто на его благодушном лице прочесть было невозможно. И тогда я загадал, как его поймать: если заглянет после записки в сценарий хоть одним глазком, значит попался на крючок, не заглянет – можно со спокойной душой убираться восвояси.

Сработало! Владлен И. выхватил из середины наугад десяток строк, но и этого ему оказалось вполне достаточно. Победа! Впрочем, победа ли?

– Да, интересно, – констатировал он. – Поздравляю! Но к сожалению, нам это не подходит. Слишком дорогой и громоздкий проект. Я понимаю, вы полагаете, что принесли совершенно готовую вещь. Но вы даже не представляете себе, сколько времени может понадобиться для её доводки. Вы просто не знаете нашей специфики. Но попробуйте счастья на какой-нибудь другой «кнопке», может, вам там больше повезёт?

По нашим вытянувшимся лицам он сразу понял, что мы обзвонили всё что только можно.

– Мы уже пытались, – честно признался отец, – но там даже не поинтересовались, как наш проект называется.

– Увы, к сожалению, ничем не могу вам помочь, мы перегружены доверху подобными предложениями.

В доказательство Владлен Игоревич показал рукой на полки, уставленные какими-то разномастными папками – вполне вероятно, что и в самом деле всевозможнейшими плодами умов народных умельцев.

– Но как бы то ни было, у вас ведь это только первый блин? Дерзайте, мы всегда будем рады видеть вас с новыми идеями.

– То есть, если перевести с русского на русский, – грустно проговорил отец, – вы советуете нам «пойти в немецкий город Бремен и стать там уличными музыкантами»?

«Чинуша» расхохотался. Да, да, не было никаких сомнений, он ценил шутку.

– Ну почему на русский? Как раз типично одесский говорок!

– Так может, есть всё-таки какой-нибудь другой вариант? – Я был потрясён неожиданной смелостью моего отца. На моих глазах он предлагал взятку. Такого с ним никогда ещё не бывало. – Вы не Христос, мы понимаем, конечно, но вы могли бы дать нам дельный совет. Как любитель юмора любителям юмора.

«Чинуша» ещё некоторое время внимательно изучал наши ставшие совсем уж барсучьими физиономии, хотя больше для вида, потому что давно нас раскусил.

– Ну, если только уж какую-нибудь совсем смешную модификацию...

– ...для горячих поклонников божественного Иехиеля-Лейба Арьевича Файнзильберга и братьев Катаевых.

Из всего этого диалога меня больше всего поразило, как отец смог без запинки выговорить столь трудно произносимые настоящие имя и фамилию Ильи Ильфа, автора знаменитых «Записных книжек».

– Ну, к примеру, если бы вас очень интересовали деньги, вы могли бы это продать. В таком вот сыром виде, но с полной потерей авторства.

Наверное, это и подразумевалось ещё с фразы: «Алло!» нашего звонка на телестудию.

– Деньги нас не интересуют, – вклинился в разговор я.

«Ох, молодежь!» Двое старших осуждающе уставились на меня. Затем Владлен Игоревич пожал плечами.

– Тогда вам действительно ничего не остаётся, кроме как торжественно удалиться и отправиться в «немецкий город Бремен». Хотя, собственно, если у вас есть музыкальные

способности, зачем вам Германия? Я мог бы и здесь, в России, вам посодействовать. У нас полно конкурсов подобного рода.

Мы с отцом переглянулись. Нет, музыкальных способностей у нас отроду не наблюдалось, а условленные десять минут уже истекли. Нам и в самом деле ничего не оставалось, как испариться, «исчезнуть в пучине», «увязнуть в трясине», «сгинуть с глаз долой», «умчаться из сердца вон». Но я медлил до последней минуты, не веря, чтобы этот человек столь легко нас отпустил.

Так и произошло, интуиция не подвела меня. Когда я уже готов был закрыть за собой дверь, неожиданно послышался мурлыкающий, задумчивый глас с небес.

– Впрочем, есть ещё одна мыслишка, совсем завалящая, не знаю, покажется ли она вам заслуживающей хоть какого-то внимания...

Мы с отцом больно столкнулись лбами, так торопились вернуться обратно в кабинет.

– Мы готовы рассмотреть любое предложение, – с готовностью проговорил отец, умильно заглядывая в глазки Чинуше Игоревичу.

Тот не стал долго тянуть с ответом.

– Я мог бы пообещать вам участие в проекте, который вы предложили, и даже гарантировать, что вы дойдёте в нём до финала. Такой вариант для двух предприимчивых «не одесситов» мог бы стать хорошей раскруткой, стартовой площадкой для взлёта. Но, повторяю, никаких прав на авторство, полная безымянность.

Он поднялся, вышел из-за стола и протянул нам на прощание руку. Ладонка была пухлой и немного влажной. Подразумевалось, наверное, что мы должны были её поцеловать. Но мы её просто пожали. «Альхен, – невольно подумал я, – ясно теперь, кого он мне напоминает. „Голубой воришка“. Не исключено, что и в самом деле „голубой“».

– Не спешите, поразмышляйте как следует, времени у вас более чем достаточно. Вот только если вы куда-нибудь ещё обратитесь с этим «нечто», наш уговор силу утрачивает. – Тут он шутливо погрозил пальчиком и заговорщицки понизил голос: – Он возможен только при условии строжайшей конфиденциальности.

Дальше он буквально выдавил нас из кабинета своим огромным пузом, прежде чем мы успели опомниться.

Глава 3

С оттенком праздничности.

Суллик и Мышка.

Защита Каро-Канн.

Эфир, кефир, Гвадалквивир!

Я еле дождался момента, когда мы оказались на улице, чтобы дать волю накопившемуся возмущению. Но едва я открыл рот, отец многозначительно поднял палец, как на знаменитом плакате «Болтун – находка для шпиона!». Я поостыл. Во-первых, конечно, соображения конспирации, во-вторых, мы не имели сейчас права вдвоём обмениваться впечатлениями: вопрос был настолько важен, что подлежал рассмотрению на семейном совете.

– «Голубой воришка!»! – не удержался я всё-таки от гневной реплики уже на эскалаторе метро.

– Не исключено, что действительно «голубой», – глубокомысленно поддержал мою тираду отец.

Этого нам хватило, чтобы продержаться до дома. Но и там Ма не дала нам слова сказать, пока не накормила хорошим, с оттенком праздничности (у нас подобные тонкости всегда и во всём соблюдалась), обедом. И лишь потом мы собрались все вместе в крохотном помещении Кабинета (именно в Кабинете, где же ещё могло подобное совещание проходить?), что было особенно проблематично, учитывая довольно обширные габариты моей Ма. Достаточно сказать, что все трое мы там ни разу не собирались. Впрочем, и повода для этого раньше не было.

Перо моё бессильно описать, как выглядел наш «совет в Филях». Горящие, полные божественного вдохновения глаза Ма – я всегда ею любовался и восхищался, но такой красивой никогда ещё в жизни не видел. Улыбка отца, буквально упивавшегося своей победой, – первый раз я лицезрел его победителем, и ради такого зрелища можно было простить ему все его эксперименты над нами и неудачи. Я был как новобранец, которому довелось поучаствовать в знаменитом сражении (ну чем не Бородино?)...

Наверное, к концу мы просто выдохлись, а может сказались последствия «оттенка праздничности» съеденного обеда, но, так или иначе, шум затих. Я первый начал приходить в себя и попытался вернуть своих драгоценных родителей на грешную землю:

– Так что – подводя итог, – нас пытаются бессовестно обмануть, а мы даже не знаем, есть ли у нас какой-нибудь другой выход?

– И всё-таки, главное – мы доказали, что работали не зря и в самом деле чего-то стоим, – подправил меня отец, воздев по привычке вверх указательный палец.

Да, наверное, он был прав и мы действительно что-то там кому-то доказали. Но что толку с того? Я уже хотел было завести свою обычную шарманку, но до матери дошло наконец то, что для неё было самым важным в развёртывающемся на её глазах «историческом моменте»:

– И что, вас и в самом деле могут показать по телевизору?

– Шутишь? – рассмеялся отец. – Да нас будут «крутить» по «ящику» каждый вечер в течение практически двух месяцев, мы прославимся на всю страну. Тебя и то отобразят. Даже представят всем: это ведь такая классная фишка – папа и сын участвуют в еженедельной схватке, а жена (мама) болеет за них.

Ну, это уже превосходило все возможности воображения моей Ма. Чтобы её показали по её обожаемому «ящику» – в такое она точно не могла поверить.

После подобного триумфа мне уже неудобно было заводить разговор о деньгах, и мы разбрелись по своим привычным местам обитания. Надо сказать, что при всей гармонии, кото-

рая царила в нашей семье, трудно было представить себе более разных людей, собравшихся по какой-то неведомой воле вместе.

Ма вся была в домашнем хозяйстве, а её духовная жизнь не простиралась дальше мерцающего экрана телевизора. Когда она пребывала на кухне, он у неё не выключался ни на минуту. Я всегда был бессилён разгадать систему, по которой она переключалась с канала на канал, но главной её слабостью были, конечно, телесериалы. Когда я её спросил однажды, что она находит во всей этой муре, она мне ответила: детали. Сам сюжет не имеет особого значения, он может быть любой, но вот в деталях: внешности какого-либо персонажа или героини, костюмах, в которые они одеты, косметике, наложенной на их лица, каких-то поступках, взглядах, а уж в диалогах – это вообще кладёзь – вот здесь как раз и есть правда, и есть жизнь. Ну а ещё, конечно, характеры, жизненные конфликты, ситуации. В обычном фильме многое из столь важных мелочей теряется, там всё играет на основную идею, а здесь идея не главное, главное – мечта или жизнь, что, в сущности, одно и то же для человека, волею судеб зажатого в своём крохотном мире и находящего своеобразную отдушину во всякого рода «мыльниках».

Естественно, я передаю вам этот ответ своими словами, не так, как говорила мне Ма. Разумеется, как раз в силу «трудностей перевода», вы ничего из моих объяснений не уяснили. Как многое не улавливал в них и я сам. «Что же получается, – иногда задавал я себе вопрос – что моя Ма до сих пор мечтает о каком-то чуде, несбыточном счастье, принце, будучи влюблена в моего Па? Видимо, чем-то он её всё-таки не устраивает? И она находит своеобразный компромисс между мечтой и реальностью? Но почему же она тогда говорит, что сериалы помогают ей осознавать, что жизнь и мечта – одно и то же?»

Лишь в одном я хорошо понимал её: «мыльники» великолепно помогали ей общаться с коллегами по работе. Они обглаживали там каждую серию-порцию буквально до костей, и, думаю, это во всех случаях лучше, чем говорить о взбесившихся ценах, о непомерном росте преступности, о несправедливости, проевшей всё и вся вокруг или ещё о чём-то подобном из конкретной, повседневной нашей жизни.

Отец любил кино и великолепно разбирался в нём, все тома нашего справочника «Видео-гид» были затрёпаны до умопомрачения, естественно не без моего участия: он каким-то образом сумел заразить этой любовью и меня, хотя вкусы у нас были здесь совершенно разные, порой даже диаметрально противоположные. Тем более было здорово, когда в оценке каких-то фильмов мы сходились во мнениях. Ту же «Игрушку» с Пьером Ришаром мы всегда смотрели с интересом, сколько бы её ни показывали по телевизору. Но когда отец пытался убедить меня, что лучшие сценарии, которые он знает, – к фильмам «Принцип домино» с Джином Хэкменом и «Обманщики» Марселя Карне, то я готов был привести ему сотню примеров («Воскрешая мертвецов» Мартина Скорцезе, «Достучаться до небес» с Тилем Швайгером, «Джулия» с Тильдой Суинтон, не говорю уже о «Танце ангела» с Джеймсом Белуши), где сценарии были выписаны и покруче. Ну и в последнее время, как я уже говорил, Па помешался на всяческих шоу, из чего, собственно, и возник сюжет, о котором я сейчас вам повествую.

Что касается меня, то больше всего на свете я мечтал вырваться из той клетки, которой стал для меня наш дом, точнее наша квартира. Клянусь, я не знал ничего более ужасного, чем жизнь моего Па и моей Ма, но представлял себе совершенно точно, чего я хочу и не хочу. Я не помню, где я вычитал или услышал эту фразу, но она буквально потрясла меня, «врезалась, как корабельный якорь, в память»: «Главное в жизни, – поучал там один герой (естественно, тот, что постарше) другого (естественно, того, что моложе), – твёрдо знать, что ты хочешь. Остальное – нюансы». Может быть, я кажусь слишком самоуверенным, но я вполне

мог бы, невзирая на свой недостаточно зрелый ещё возраст, их обоих поучить, тех героев: очень важно знать ещё, причем затвердить до предела, чего ты не хочешь.

Мне хотелось путешествовать, но даже в армии я служил в Москве, в двадцати минутах езды на метро от своего дома. Возможно, отец постарался, чтобы хоть как-то заглядеть промах с институтом, возможно просто везение.

Я хотел получить хорошее образование, но – не судьба.

Я хотел бы найти девчонку, которая понимала бы, любила меня, но где она?

Да и вообще: я мог бы перечислять свои мечты до посинения, но что в том толку? А уж если бы я начал рассказывать о том, чего я не хочу, то к этой книжке понадобилось бы издать отдельное приложение в двух-трех томах, хотя всё их содержание можно было охватить одной только фразой: то, что у меня на тот момент было.

Как я проводил своё время? Ничего интересного. Читал книги, смотрел телек, медленно, но неуклонно уподобляясь своим «родакам». В частности, сравнительно недавно я начал понимать свою Ма. «Как это нет ничего сегодня по телевизору, – любила повторять она. – Не ленись, переключай почаще каналы, всегда можно найти что-то интересное». Действительно, как это может быть, чтобы не было ничего достойного внимания в «ящике»? Одна «бегущая строка» чего стоила! «Суслик, вернись! Я вся твоя!!! Мышка». «Привет всему Братску! Олег». Привет, и Магадану тоже. А Президент? Представьте только, что вы беседуете с ним с глазу на глаз! Что бы вы ему высказали? Или попробуйте хоть недельку прожить по его ЦУ и чтобы при этом вам «не набили лицо», как говорят всё в той же незабвенной Одессе. Окно в мир! Кем бы мы все были без «умненького-разумненького» ТелеВидения?

Частенько также, особенно по субботам и воскресеньям, я отправлялся прошвырнуться, и всякий раз при этом (как им только не надоедало!), мои отец и мать многозначительно переглядывались между собой: ну вот сегодня обязательно произойдёт Встреча. А может быть, она давно уже есть у него – симпатичная девчушка с кудряшками или без, наивная, улыбчивая, почтительная к старшим, начитанная (готовить научим, в кино не разбирается – увлечём), а он просто скрывает от нас её, готовит сюрприз? Я знал: они мечтали о внуках, их совершенно не смущала мысль, что им придётся потесниться и жить уже не втроём, а вчетвером, впятером, вшестером в нашей двухкомнатной конурке. Больше всего на свете они жалели о том, что я у них один, что не удалось им подарить мне братика или сестрёнку: просто время было такое, что обыкновенная детская коляска вдруг стала стоить столько, сколько раньше автомобиль, тут одного-то ребенка сложно было прокормить.

Да, девчонку хорошую я мечтал встретить, но где? На дискотеке? В интернете на сайте знакомств? Я друзей-то всех как-то незаметно растерял: какое общение сейчас без водки, как минимум, да и о чём с ними вообще говорить? Армию, школу вспоминать? Ну а девчонки сейчас пьют, курят, матерятся похлеще парней и, попробуй им хоть слово скажи, посылают вас вовсе не в далёкий немецкий город Бремен, а сразу в очень близкие, вполне конкретные места. Ма и Па и тут ухитрились испортить меня: у нас даже в «немецкий город Бремен» никто никогда никого не посылал, достаточно было просто употребить это название в разговоре, чтобы показать, что тебя «достали». Понятно, что «доставали» чаще всего меня, или мне казалось, что меня «замотали». Ну и таких «примочек» у нас был миллион, вот только за пределами нашей квартиры этот язык был чем-то вроде китайского или зулусского. Поняли, надеюсь, теперь мою жизнь?

Естественно, без продолжения разговора нам обойтись никак было нельзя. Только собрались мы на сей раз на кухне. Я первый начал. Конечно, я был бы не я, если бы в очередной, тем более столь ответственный, раз не попытался вернуть моих мечтателей-«предков» на грешную землю.

– Ладно, допустим, – сказал я, – что нам действительно впервые в жизни улыбнулась удача и мы поймали золотую рыбку. Но, подумав, вы, надеюсь, согласитесь теперь со мной, что нас бессовестно пытаются обмануть? Причём довольно умело, я бы даже сказал – профессионально. Наш милый Альхен вовсе не воришка, а матёрый вор, могу представить себе, сколько он загребёт на том, что нам, именно нам, бог послал. Да, да, папа, моё участие в нашем проекте было мизерным, ничтожным, я прекрасно сознаю это. Больше скажу тебе: я никогда в него не верил. Когда ты с важным видом уточнял какие-то детали, я просто говорил тебе первое, что мне приходило в голову, посмеивался над твоими усилиями. Сейчас я хочу перед тобой повиниться. Я не понимал тебя – теперь изменил своё мнение. Ты всю жизнь шёл к одной цели, ставил на одну карту, и ты выиграл. Никто в тебя не верил, а тебе повезло.

– Ну почему, я всегда верила, – вмешалась в разговор Ма. Ей, как и отцу, показалось слишком нудным и затянутым моё предисловие. Намекая тем, что пора бы и ближе к делу перейти. Но я сегодня во время прогулки тщательно обдумал свою речь, и сбить меня с толку было невозможно.

– Тем более, – ответил я. – Но суть в том, что вряд ли когда-нибудь ещё нам представится такой случай. А здесь слава, деньги, крутое изменение судьбы. Надеюсь, вы понимаете?

– Конечно! Естественно! – эхом отозвались оба родителя.

– Ну, стало быть, и ладушки. Отвергнем соблазны, запатентуем наш сценарий, как положено и выставим его на аукцион. А там принцип известен: кто больше даст, тому и достанется. Вот пусть и попробуют «дать».

Ма и Па переглянулись, потом замолчали, всем своим видом выражая несогласие. Мол, ты ещё молод, молоко на губах не обсохло, а жизнь есть жизнь.

– Нам не пробить эту стену, – вздохнул Па, нарушив наконец молчание. – Ты молод, горяч, многого не понимаешь.

– Нет, па, но неужели мы стерпим такое? Ты посмотри только, как он нагло вёл себя, этот Владлен. Ведь если записать его разговор на плёнку, где его после можно будет искать?

– Ладно, запишем, разоблачим, что дальше? – спокойно ответил Па. – Что это даст нашей семье, конкретно? Тебе, мне, матери? Медаль Президент пришлёт или Бог на небе зачтёт? А вёл он себя не нагло, просто мы быстро нашли общий язык. Мерси, причём гран мерси, Ильфу и Петрову. Другим бы, может, и не предложил. Это как шахматы, главное здесь – уметь жертвовать. Помнишь, я тебе рассказывал, как чуть было не стал чемпионом школы по шахматам?

Господи, да этот рассказ я слышал, наверное, раз десять, не меньше. В шахматах мой Па никакой науки не признаёт, играет хаотично, наобум, что ему, к примеру, какая-то защита «Каро-Канн»? Как бы то ни было, но на чемпионате школы он неожиданно дуриком пробился в финал. Противник у него был достойный, какой-то перворазрядник, но отец так ему зубы заговорил (это он умеет, до сих пор навыков не растерял), что тот проморгал пару хороших фигур. И вот тут «разрядничек» собрался и буквально задавил моего отца жертвами. Отец поддался, естественно, на приманку, утратил преимущество в позиции и неожиданно получил мат. Этот урок он усвоил на всю жизнь, хотя играть продолжает до сих пор в том же духе. На себе проверял: главное – не дать ему заболтать тебя.

Я, разумеется, знал, что если поставлю вопрос на голосование, моя карта будет бита. Ох уж эти большевики, сколько я от них натерпелся! Зачем вообще по какому-то поводу советовать со мной, если счёт всегда неизменен: 2:1? Понятно, в чью пользу? Поэтому попытался сделать хорошую мину при плохой игре.

– Ладно, согласен, ваша взяла. Но вместе нам участвовать не получится. Никто мне на работе такой большой отпуск не даст, а вы прекрасно понимаете, что другого чего-либо подобного, мне без образования не найти: программистов сейчас дипломированных пруд

пруды, а если диплома нет, только в дворники или курьеры – куда мне ещё идти потом прикажете?

Конечно, насчет «дворника или курьера» я сильно преувеличивал, однако в зарплате я точно резко скатился бы. К нам на фирму я устроился исключительно благодаря Витьке Козлу, он за меня поручился перед начальством. Хотя работал я на совесть и даже кое-каких выпускников Бауманского или МГУ мог заткнуть за пояс. Ма промолчала, но она знала, как никто другой, что наш семейный бюджет во многом именно на мне в последнее время держался. Достаточно сказать, что впервые в жизни у нас появился счёт в банке.

Отец расстроился, но тут же снова воспрял.

– Одному не интересно. А что, если попробовать такой вариант: попроситься у нашего Альхена на какое-нибудь другое шоу, вроде «Как стать миллионером», но только вдвоём, что мы – хуже тех недоумков, которых обычно по телевизору показывают? Миллион не выиграем, конечно, но какой-нибудь лакомый кусочек уж точно сможем ухватить.

– Нет, па, – проговорил я как можно мягче. – Тут я с тобой никак не соглашусь. Во-первых, откуда нам знать, как на таких шоу люди в самом деле что-то выигрывают? Во-вторых, один раз, одна игра или два месяца кряду – есть разница? В-третьих, тут ты в родной стихии, кто может знать правила лучше тебя, раз ты их сам составлял? Ты выиграешь, обязательно выиграешь.

– Что ж, ты прав, несомненно прав, – невнятно пробормотал отец. – И всё-таки жаль, очень жаль.

– Согласен, жаль, конечно просто отчаянно жаль, но ничего не попишешь. Победитель во всех случаях может быть только один. Моё участие было бы чисто формальным. Ни второй, ни даже третий приз мне бы точно не дали, а зачем тогда подобные жертвы?

Против такого сокрушительного довода отец ничего не смог возразить, и я вдруг почувствовал, что мыслями он уже там, далеко, по другую сторону экрана. Ему, как полководцу, рисовались в воображении батальные сцены или, как претенденту на премию «Оскар», церемония награждения... Я был счастлив, но счастливее всех казалась наша Ма. Я представлял себе, какого труда ей будет стоить не проговориться раньше времени о нашем семейном триумфе своим коллегам по работе, подружкам, соседям. Зато сколько потом будет гордости, звонков по телефону – чего ещё можно желать?

В конце вечера отец пригласил меня на кухню и показал на два хрустальных бокала, которыми мы чокались с ним по любому удобному поводу, даже для того, чтобы просто в жару попить минералки.

– Извини, есть только кефир, – улыбнулся он. – Но ведь это не принципиально важно, я думаю?

Вообще-то, определённое значение это имело: характерного столь милого сердцу хрустального звона на сей раз не получилось. Но кефир был вкусным, это я хорошо помню.

Па какое-то время никак не мог успокоиться, склоняя на разные лады «бессмертные строки» «аса» (А. С.) (асса!) Пушкина:

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Я понял, что у него заклинило и мне ничего не оставалось, как только к нему присоединиться. Через минуту мы уже торжественно декламировали Ма:

Струит эфир
Гвадалквивир.
Окунём перья мы
В кефир.

В общем, вечер удался на славу.

Глава 4

Реальности «реалити».

«Автора!» «Монгол тудей».

Американщина.

Оливер Твист.

– Что с тобой сегодня, ты совсем как варёный! – Витька прошёл мимо и столкнул мой локоть со стола, думая, что я дремлю. Но я уже привык к его шуточкам и ухитрился не потерять равновесие.

– Так, неважно себя чувствую, – отделался я дежурной фразой.

– Понятно, а я уж думал, влюбился или на дискотеке вчера оторвался по полной программе.

Он то ли что-то рассказывал мне, то ли о чём-то выпрашивал, однако у меня не было никакого желания вслушиваться в его болтовню. Я хорошо знал, что Витька, как бы много он для меня ни сделал, свою фамилию оправдывал и интересы фирмы блюл как никто другой. Попробуй пачку бумаги стащить или прийти утром с похмелья, тут же настучит начальству. Натура такая. Специалист он был высочайшего класса, так что за место своё мог не беспокоиться: его и так постоянно пытались переманить всякого рода «хэдхантеры» – охотники за головами. Он с удовольствием ходил на встречи с ними, обедал за их счет в ресторане, разыгрывал колебания, сомнения, чтобы в итоге, прикрываясь малодушием, отказаться.

Впрочем, козёл он и есть козёл, мне-то что за дело? У нас вообще на работе типчики те ещё подобрались – пальца в рот не клади. Так что посоветоваться мне было не с кем. Да и что толку советовать? Самое мудрое было – просто подождать до последнего, а потом с самым невинным видом попросить «творческий отпуск», объяснив ситуацию. Потому что, если сделать это заранее, меня выпрут на следующий же день, а это совсем не входило в мои планы.

Как вы, наверное, уже догадались, Альхен отверг с порога наш вариант и поставил непременным условием сделки то, чтобы мы участвовали в шоу вместе. А если уж сказано «а», то нужно говорить и «б». Хотя идти на такую авантюру у меня не было никакого желания.

Надо сказать, колесо вообще завертелось неожиданно быстро. Необходимо было срочно заменить какое-то совсем уж потерявшее рейтинг шоу, и мы тут вписались в самый раз. Конечно, сценарий пришлось подгонять, причём долго и нудно. Иногда требования были самые идиотские, а ещё того хуже – после недели переработок какого-то куска вдруг неожиданно всё возвращалось к прежнему варианту. Но затем начальство вдруг отстало от нас, дело перешло в руки профессионалов: директора, режиссёра, продюсера, и всё стало складываться настолько стремительно и выглядело настолько здорово, что нам с отцом даже удивительно было – неужели мы могли такое придумать?

Из команды, готовившей шоу, нас никто не знал, контактировали мы исключительно с Альхеном – вот почему наше участие в предварительном конкурсе, или, как его принято сейчас называть, кастинге, было не желательным, а обязательным. Хотя наши имена, несомненно, были занесены в какой-то особый список. Как бы то ни было, мы с моим Па с самого начала решили не требовать для себя никаких поблажек, хотели пройти на равных с другими весь путь от начала и до конца.

Я не знаю, зачем дирекции понадобилось в тот знаменательный день так долго держать нас возле дверей концертной студии Останкино. Но наверное, какой-то смысл в этом был, потому что самые неожиданные люди, всех возрастов и социальных категорий, полюбопыт-

ствовав: «За чем стоим?», как в незабвенные времена социализма, сами вдруг решали поучаствовать. Особенно это привлекало приезжих. Какая удача! Надумали посмотреть Москву, а тут вдруг конкурс. Ну а дальше как у Цезаря: «Veni, vidi, vici» – «Пришёл, увидел, победил».

Я вообще удивлялся: подумать только, такая массивная реклама шла целых полтора месяца в прессе, по телевидению, люди прилетели из Улан-Удэ, Барнаула, Владивостока, даже с Камчатки, были и иностранцы (в основном из так называемого ближнего зарубежья), а тут люди становились в очередь, как в жаркий летний день за мороженым, толком даже не зная, что им придётся делать.

Шоу тогда ещё носило название: «Автора!». Да собственно, это было и не название как таковое, а анонс, реклама.

««Автора!»» Приглашаем всех людей, обладающих творческими способностями в самых разных литературных жанрах, принять участие в нашем конкурсе».

И так далее, в том же духе.

Ну а пока нашим единственным развлечением были подъезжавшие на машинах телезрители, из которых, признаться, я, к стыду своему, никого не знал. Вот бы сейчас Ма сюда – она тотчас бы всё объяснила. Кто-то визжал от восторга, некоторые кидались за автографом, другие просто наблюдали эти сцены со снисходительной улыбкой. Ничего, мол, скоро на равных будем общаться.

В толпе сновали журналисты с блокнотами и диктофонами, фоторепортёры, операторы с видеокамерами. Вопросы задавали, на мой взгляд, самые что ни на есть идиотские, в конце концов порядком всем надоели. Некоторые от них даже стали прятаться.

Несколько ребят незамедлительно воспользовались возможностью немного поразвлечься. Лопоча что-то кто по-английски, кто по-итальянски, кто по-французски и безбожно коверкая русский язык, проводили блиц-интервью с заранее составленными вопросами. Впрочем, я обратил внимание: приставали они преимущественно к красивым девчонкам и разговор, как это обычно бывает в подобных случаях, неизбежно заканчивался просьбой дать номер мобильного телефона.

Был даже один парень, который работал под монгола. Газета у него называлась как-то странно: «Монгол тудей». Хотя вполне могло быть, что он и в самом деле был монголом и действительно есть в Монголии такая газета.

На этих ребят, кстати, никто не обижался. Двухчасовое стояние в очереди так утомляло, что любое развлечение было как манна небесная.

Как раз там, в очереди, мы с отцом впервые и увидели их: Девушку в чёрном и Ужастика. Вокруг них, надо сказать, больше всех тёрлось пище-снимающей братии. К каждому из них во время такого ажиотажа мы подобрались поближе и оба раза в весьма угнетённом состоянии духа вернулись обратно.

– Первое место, – показал отец на Ужастика, – и второе, – вздохнул он уже в адрес Девушки в чёрном. Мы только третьи. Но и это было бы неплохим результатом – вдруг мы кого-нибудь просмотрели.

– Ничего, дождёмся второго тура, – ответил я скептически, хотя и сам неожиданно-негаданно ощутил мандраж в коленях.

– Главное – не победа, главное – участие, мы ведь с самого начала так решили, – попытался подбодрить меня Па.

Решили-то решили, но как же без азарта, без надежды на чудо, без «а вдруг»? Что, бороться совсем без стимула? А какой тогда смысл?

Только сейчас вдруг эта мысль дошла до моего сознания. Отца она почему-то не угнетала. Ничего, мы просто так не сдадимся!

Наконец, нас всех скопом запустили внутрь, и мы очутились сначала в холле, а затем на знаменитой сцене, знакомой по многочисленным телепередачам, наверное, каждому человеку в России. Впрочем, со сцены нас тут же отправили в зал, на ней остались только пять человек, которые сидели на достаточно отдалённом расстоянии друг от друга. К каждому столу была прикреплена табличка с фамилией и инициалами сидевшего за ним члена жюри, так, чтобы можно было как-то ориентироваться, к кому с чем подходить.

Ещё в очереди я поразился разномастности стоявшей публики. Здесь, в зале, была возможность присмотреться внимательнее. Никогда ещё в жизни я не видел разом столько красивых девчонок. Просто живые модели, киноактрисы. Патлатые ребята с расчехлёнными, готовыми к бою гитарами. Какой-то парень, забравшись на самый верхний ряд, что-то репетировал на пастушеской свирели. Ещё запомнился один тип, обвешанный с головы до пят всякого рода инструментами и побрякушками, своего рода Человек-оркестр.

Шум вообще стоял невообразимый. Девушки трещали без умолку, кто-то тихо протренировал на своей шестиструнке заветные аккорды, кто-то обменивался адресами. Совсем незнакомые между собой люди представлялись друг другу, рассказывали о себе, делились любой мало-мальски заслуживающей внимания информацией.

Но были и такие, которые, наоборот, сохраняли полную невозмутимость. Отгородившись от всего происходящего, они молча сидели, не снимая наушников, лишь изредка переключая плеер.

Я сбегал в холл для интереса и не пожалел об этом. Кто-то распевался, кто-то читал юморески, басни, отчаянно при этом жестикулируя. Некоторые приехали парами, и даже целыми группами. Ужастик подпирал стену, ни с кем в контакт не вступал, Девушка в чёрном невозмутимо курила сигарету, вставленную в длиннющий мундштук, как раз под надписью со строжайшим на сей счет предупреждением-запрещением со стороны администрации.

Я всё-таки не удержался от соблазна подойти к Ужастик, который, к моему счастью, оказался весьма общительным и обаятельным парнем.

– Ты кто? – спросил я. – И почему такое странное одеяние?

– Я первый российский ужастик, – торжественным тоном преподнёс он мне леденящий душу набор фраз, который потом нам всем ужасно надоел в нашем скученном совместном житии, – я люблю кровь, обожаю вселять ужас. По ночам я разрываю могилы и поедаю трупы...

И тут я вспомнил, кого этот парень копирует. Какой-то фильм, название которого совершенно вылетело у меня из головы. Из того, что в ней всё-таки осталось, могу сказать только, что там был молодой тинейджер в стадии ломки характера, который, шокируя своих родителей, а в особенности гостей, постоянно ходил дома в чёрном плаще, с огромными накладными клыками во рту, жутко страдая от того, что ему не с кем поделиться своими кровососными проблемами. Спал он, соответственно, в гробу, дальше вы, наверное, сами всё вспомнили. Ну а этот чудик, получается, был не только вампиром, но ещё и людоедом-некрофилом. Полный дурдом!

Я решился всё-таки спросить:

– Слушай, все помню, кроме того, как фильм назывался. Какая-то американщина. Не подскажешь, случайно?

– Нет, это профессиональная тайна, – свистящим шёпотом ответил парень. Впрочем, на вид трудно было определить его возраст, потому что на его лице, как у всякого уважающего себя вампира, а тем более людоеда-некрофила, была маска.

– Он не вампир, он Ужастик! – сказал я отцу, когда вернулся в зал.

– Ужастик! Кто такой Ужастик? – в полном недоумении поинтересовался Па.

– Ну, тот парень, которому ты напророчил первое место! Кстати, не помнишь, как называется фильм, из которого он свой персонаж слямзил?

Но и отец это название так и не смог вспомнить. Хотя сам персонаж-тинейджер тоже глубоко врезался ему в память.

Наконец на сцену вышла директор конкурса, Римма Кошебянц, маленькая подвижная армянка, чистый колобок. Но я как-то слышал, как эта «я от бабушки ушёл» на редкость виртуозно ругалась матом, а уж курила она вообще как паровоз.

– Внимание, – проговорила Римма Аракеловна своим низким грудным голосом. – Мы начинаем. То, в чём вам предстоит принять сегодня участие, называется кастинг. Надеюсь, тут в зале нет случайных людей и все вы знаете условия нашего конкурса. Тем не менее напоминаю: речь идёт не об исполнителях, а об авторах. Басни Крылова, юморески Зощенко, песни с текстами Михаила Шафутинского или, – тут она сделала реверанс в сторону сцены, – Игоря Николаенко вы можете приберечь для каких-нибудь творческих вузов. Здесь принимается только то, что вы написали сами, качество исполнения в расчёт не идёт. Порядок прост: когда подойдёт ваша очередь, вы выходите на сцену, подходите к столикам, за которыми члены жюри с вами будут проводить собеседование. Помимо того, что вы сейчас сочтёте нужным рассказать или исполнить, вы можете предъявить также любые материалы, которые вы принесли с собой: диски CD, DVD, флешки, рукописи рассказов, романов, сценарии клипов, фильмов – в общем, всё, на что вы способны. Если вас отметили, вы получаете специальную карточку, таких карточек вы, соответственно, максимально можете набрать пять. Уходя, вы отдаёте эти карточки секретарю нашей комиссии, который сидит сейчас в холле, затем ждёте вызова на второй тур. Естественно, тем, кто не получил ни одной карточки, вызов не светит. Чудес на свете не бывает. Удачи вам всем!

Тотчас началось шевеление в зале. Те, кто попал сюда по чистой случайности, решили не терять дальше времени даром. Однако большинство из этих «случайных», как я понял, всё-таки предпочли остаться. Зрелище предстояло весьма небезынтересное, да и обстановка располагала. Не говоря уже о том, что была прекрасная возможность засветиться: все репортеры и операторы тут же переместились вслед за нами с улицы внутрь здания. Была и особая бригада уже специально для нашего телешоу, но она целиком находилась на сцене, фокусировала своё внимание на выступлениях участников и лишь изредка выхватывала какие-то кадры из зрительного зала.

Несмотря на предупреждение Риммы Кошебянц, нашлось немало желающих продемонстрировать свои актёрские или музыкальные способности. Их, естественно, с позором выгоняли. Я без труда разгадал, что этими людьми руководило: воспоминание о том, как им довелось однажды выступать на самой знаменитой концертной площадке страны, потом будет греть им душу всю оставшуюся жизнь. Особенно если друзья успеют снять их на фото или видео. Хотя, конечно, некоторые участники, находившиеся в холле и усиленно репетировавшие, действительно не слышали предупреждений директора шоу.

В общем, всё обстояло далеко не так просто, как виделось организаторам. Тем более что и сами члены жюри, народ весьма разномастный, не совсем хорошо представляли себе, чего им требовать от конкурсантов.

Мы с отцом сознавали, что мы единственные, кто имел возможность как следует подготовиться к конкурсу, так как никто лучше нас не знал его условий. Конечно, нам неведомо было, кто конкретно будет сидеть в жюри, но вот их профессии были достаточно хорошо известны.

«Юмор. Пародии». Здесь нас ожидал сам Ефим Бухтин, мы довольно сносно с ним похихикали и отдали на просмотр рукопись рассказа, который мы в спешном порядке, буквально за два вечера, состряпали. В нём мы использовали богатый опыт нашей Ма. «Ха, как это нет ничего по телевизору? По телевизору всегда есть, что посмотреть!»

Рассказ назывался «Не надо о грустном». Его герою, много времени проводящему перед «ящиком», неожиданно начинает казаться, что популярная певица с её супершлягером «Не надо о грустном!» поёт с некоторых пор исключительно для него, постоянно делает ему

какие-то таинственные знаки, посылает признания, мечтает с ним познакомиться, даже встретиться. Он начинает старательно вникать в смысл её загадочных посланий, не уставая мурлыкать себе под нос: «Не надо о грустном, не надо!» и обнаруживает, что его догадки подтвердились: он и в самом деле любим.

Сначала общение с певичкой льстит самолюбию героя, затем начинает его раздражать («Не надо, не надо, не надо!»), он грязно ругается в своих ответных посланиях и даже делает попытки к рукоприкладству. Однако певичке это почему-то нравится, во всяком случае она не подаёт вида.

В итоге выясняется, что герой – заурядный пациент психиатрички. В частности, «сеструха», о которой он постоянно по ходу повествования упоминает, на самом деле сестра медицинская: «Сеструха говорит: „Нет там ничего по телеку, я смотрела программу“. Она ничего не понимает: зачем программа? Как это нет ничего по „ящику“? В нём всегда есть что посмотреть. Одна „бегущая строка“ чего стоит!»; «Сеструха пытается посмеяться надо мной: „Что ты всё время пялишься на эту „строчку“? Надеешься, что тебе самому кто-нибудь какое-нибудь послание передаст?“ – „Конечно! А чем я хуже других?“, – отвечаю».

Ему каждый день дают много таблеток, которые он утаивает, а затем выпивает сразу, в лошадиных дозах, составляя немислимые коктейли (большая, маленькая, зелёнькая, красненькая, оранжевая). («Я удивляюсь врачам, за кого они нас здесь принимают? С этими таблеточками и обезьяна сообразила бы. Тем более если посадить её в клетку. Мы что, по их мнению, глупее обезьян?»)

Видения ему, соответственно, предстают самые разные, совершенно фантастические, а тут вдруг заклинило: какое сочетание ни придумай, опять она, всегда она, всюду она! Поразмыслив, этому «клину» он находит только одно объяснение: его разгадали, пора выписываться.

Каюсь, не бог весть что, но Ефиму понравилось. Больше всего он хохотал над выражением, которым герой характеризует самого себя: «Особенно если учесть, что у тебя в голове кукушка наср...».

Ещё он, понизив голос, спросил нас: «А певица эта, Калерия, да? А „Шрэка“ вы не боитесь?» Мы поняли, кого он имел в виду: мужа Калерии, Виссариона Перегудина.

Па тут же нашёлся и рассмеялся в ответ:

– Не-а, не боимся, – он показал ладонью сначала совсем рядом с полом, затем задрал её вверх, насколько рука позволяла: – Кто мы – и кто они!

Я не случайно так обстоятельно рассказал об этом случае: это был наш маленький триумф. Ма онемела, когда мы предъявили ей в качестве доказательства фотографию (Ефим принёс её одну, чтобы подарить только самому лучшему) с автографом одного из самых любимых её актёров-юмористов. А уж рассказ о том, как мы проходили с ним собеседование, она заставляла нас повторять чуть ли не с десятков раз.

На следующем конкурсе «Поэты. Поэты-песенники» (подразумевалось также, что в нём могут участвовать сценаристы самых различных мероприятий, музыкальных клипов и прочего) мы решили пойти на чистейшей воды дурь по бессмертному рецепту небезызвестного персонажа Валентина Катаева – Ниагарова. Там «мой друг Ниагаров», на каких только поприщах не перепробовавший себя и подвизавшийся на сей раз в журналистике, в каждой газете, куда он, перебегая с этажа на этаж в одном и том же здании, предлагал свои опусы, менял только профессию своего героя, величая его везде одинаково – Митрий («Митька, этот старый морской волк, поковырял бушпритом в зубах и весело крикнул: «Кубрик!»»); «Старый химический волк Митя закурил коротенькую реторту и, подбросив в камин немного нитроглицерину, сказал: «Так что, ребята, дело азот»»; «Старый железнодорожный волк открыл семафор и вошёл в тендер, где ютилась его честная, несмотря на её многочисленность, семья...» «>... Умаялся я, Октябрина», – сказал Митрий жене»).

В данном случае из нашего опуса о пациенте психушки мы оставили только идею шлягера, который так досаждал ему, срочно сочинив «забойный» текст («Не надо о грустном, не надо!»). Можете себе представить, какая это была белиберда, не говоря уж о совсем примитивном мотивчике, на который мы её проблеяли. Николаенко с большим трудом выслушал нас до конца и вздохнул с большим облегчением, когда мы переместились от него к другому столику.

– Ничего, ребята, может вам в другом месте больше повезёт, – с натушной любезностью проговорил он.

Я искренне надеялся, что в жюри самого телешоу он не войдёт, наверняка мы ему запомнились. Наше место тут же занял какой-то блондинистый патлатый бард, и уже с первого аккорда на гитаре между ним и популярным певцом-композитором установилось полное взаимопонимание.

Самому кассовому нашему кинорежиссёру, успешно подвизавшемуся даже в Голливуде, мы всучили заявку под названием «Вся рать земная». Сюжет там был прост, как апельсин: при нашествии инопланетян погибают все люди, и тогда в сражение с галактическими завоевателями вступают языческие духи (эльфы, лешие, домовые и прочая и прочая) со всех сторон света, перед лицом смертельной опасности решившие объединиться.

Их постоянные споры между собой, раздоры, амбиции – всё как у людей. В конце концов они побеждают и вытесняют захватчиков за пределы Земли. Амбиции столь сильны, что духи по инерции продолжают сражаться дальше уже между собой, но, к счастью, вовремя прекращают братоубийственную войну.

Завершается этот эпос-опус тем, что какой-то не то эльф, не то гном сидит под деревом со всякой снедью, разложенной на траве, и пытается приручить обезьяну, заставить её слезть с дерева, чтобы выдрессировать на человека. А упрямая обезьяна, соответственно, никак не желает поддаваться дрессировке.

По заявке, тщательно расписанной и составленной по всем правилам (мы сумели достать образчик), мы предусматривали несколько вариантов воплощения этой бредовой «саги»: киноблокбастер, телесериал и многосерийный мультимедийный аниме.

Проект был мощный, но в исполнении совершенно нереальный, однако режиссеру (не буду приводить его фамилию, она и так достаточно хорошо известна), крыть было нечем и ему ничего не оставалось, как только, почесав затылок, выдать нам вождельную карточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.